POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF SLAVIC COUNTRIES' PERCEPTION BY RUSSIAN CITIZENS

Antonina V. Selezneva¹ (a), Natalia V. Smulkina² (a)

(a) Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

Abstract

The article presents an analysis of the perception by Russian citizens of Slavic countries as a political and cultural frontier.

The theoretical and methodological basis of the study was the political and psychological approach. The authors have developed a conceptual research model based on the provisions of the theory of political perception. Image of the country is a multi-component mental construct, which includes a set of representations about the authorities, leaders, peoples, territories and geopolitical image of the states. The research methodology included a semi-standardized interview with Russian citizens, as well as a set of projective techniques.

Based on the analysis of empirical data, the authors determine the characteristics of the perception of Slavic countries. In terms of similarity between themselves, the closest are the images of Montenegro and Bulgaria, the least close are the images of the Czech Republic and Poland. The images of Ukraine and Belarus have an average degree of similarity. The closest images to the Russian respondents are the East Slavic countries; the West Slavic countries are most alienated. In the structure of the country's image, the most stable, symbolically filled and monolithic is the image of the people, which depends on the identification factor. The most dynamic and contradictory are the image of power and the geopolitical image of the state, which largely determines the information context. The perception of all Slavic countries is Russian-centric.

The authors draw conclusions about the influence of various factors on the perception of countries. The most significant of them are geopolitical and communicative factors. The influence of the factor of the Slavic historical and cultural community is situational and secondary.

Keywords

Slavic countries; image of the country; image of power; image of leader; image of territory; image of people; geopolitical image of state; symbols

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: ntonina[at]mail.ru

² Email: smulkina[at]mail.ru

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СЛАВЯНСКИХ СТРАН РОССИЙСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ

Селезнева Антонина Владимировна¹(а),
Смутькина Наталья Валентиновна² (а)

(а) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».
Москва, Россия

Аннотация

В статье представлен анализ восприятия гражданами России славянских стран как политико-культурного фронта. Теоретической и методологической основой исследования явился политико-психологический подход. Авторы разработали концептуальную модель исследования на основе положений теории политического восприятия. Образ страны – это многокомпонентная ментальная конструкция, которая включает в себя комплекс представлений о власти, лидерах, народах, территориях и геополитическом образе государств. Методология исследования включала полустандартизированное интервью с российскими гражданами, а также набор проективных методик.

На основании анализа эмпирических данных авторы определяют особенности восприятия славянских стран. По параметру схожести между собой наиболее близкими являются образы Черногории и Болгарии, наименее близкими – образы Чехии и Польши. Образы Украины и Беларуси имеют среднюю степень сходства. Наиболее ментально близкими для российских респондентов являются восточно-славянские страны, западнославянские страны воспринимаются наиболее отчужденно. В структуре имиджа страны наиболее устойчивым, символически заполненным и монолитным является образ народа, который зависит от идентификационного фактора. Наиболее динамичными и противоречивыми являются образ власти и геополитический образ государства, которые во многом определяют информационный контекст. Восприятие всех славянских стран является россияноцентричным. Авторы делают выводы о влиянии различных факторов на восприятие стран. Наиболее значимыми из них являются геополитический и коммуникативный факторы. Влияние фактора славянской историко-культурной общности носит ситуативный и вторичный характер.

Ключевые слова

Славянские страны; образ страны; образ власти; образ лидера; образ территории; образ народа; геополитический образ государства; символы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: ntonina[at]mail.ru

² Email: smulkina[at]mail.ru

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Отношения России со славянскими странами претерпели в последние десятилетия существенные изменения, и в настоящее время на них оказывают влияние как историко-культурный контекст, так и актуальные интеграционные и дезинтеграционных процессы, протекающие в Европе и на постсоветском пространстве. При этом важное значение имеют не только институциональные и процессуальные аспекты взаимодействия стран, но и психологические факторы, поскольку «рассогласование объективной политической и психологической реальностей ведет к внутри- и внешнеполитическим конфликтам, росту политической напряженности» (Шестопал, Смулькина, 2018, стр. 26). И если анализ первых регулярно проводится внешнеполитическими ведомствами и экспертами-международниками, то изучению восприятия славянских стран российскими гражданами уделяется недостаточно внимания.

В данной статье мы предпринимаем попытку не просто представить образы разных славянских стран в сознании наших граждан и обозначить, какие факторы на них влияют, но и нащупать точки взаимодействия фронтирной теории и политико-психологического подхода. Такой ракурс, на наш взгляд, является новым и может открыть дополнительные теоретико-методологические и практические возможности для изучения различных аспектов политических и социокультурных процессов на междисциплинарных основаниях в предметном поле социогуманитарных наук.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной политической науке изучение славянской тематики осуществляется по нескольким направлениям. В работах историко-политического характера идеи славянского мира, панславизма и неославизма рассматриваются в ретроспективном ракурсе и современном контексте (Щербинин, Щербинина, 2015; Maxwell, 2018; Болдин, 2019). Достаточно широко исследуются вопросы взаимодействия и безопасности, идентификационные процессы и историческая политика славянских стран в международно-политическом аспекте (Mavrodieva, 2014; Пахалюк, 2018; Ведерников, 2019; Суздальцев, 2020). Изучаются (хотя и явно недостаточно) социокультурные и политико-психологические особенности взаимоотношений славянских стран, их образно-символические репрезентации в массовом сознании и медийном пространстве (Красноперов, 2016; Пузанова, Филиппов & Ларина, 2017).

Активно развивающаяся в последние десятилетия фронтирная теория создает значительные предпосылки для исследования славянской тематики в широком ракурсе пространственного анализа – от изучения границ и пограничья до рассмотрения социокультурных, идентификационных, мемориальных и иных практик (Дронов, 2017; Романова, Якушенков, 2014; Якушенкова, Якушенков, 2015). В контексте последнего фронтир представляет собой разновидность «гетеротопного пространства, где различные формы трансгрессии приводят к рождению новых культурных элементов» (Якушенков, 2015, стр. 296). Славянский фронтир, таким образом, является особой зоной культурного диалога, где на основе национальных историко-культурных традиций и современного политико-культурного влияния стран Запада и России происходят «войны памяти» (особенно ярко в Украине и Польше), трансформация идентичностей, культурное самоопределение.

Объектом нашего внимания в рамках данной статьи является не весь славянский мир, а отдельные славянские страны, сгруппированные традиционным образом: Восточные славяне (Украина, Белоруссия), Западные славяне (Польша, Чехия) и Южные славяне (Болгария, Черногория)¹. Такой подход позволяет, с одной стороны, осуществить анализ образов конкретных стран в сознании российских граждан. С другой стороны, он дает возможность увидеть закономерности восприятия славянских стран в целом как своеобразного фронта, пространства, находящегося под влиянием разнонаправленных политико-культурных воздействий.

Поскольку «пространство фронта в большей степени ментальное, нежели физическое» (Басалаева, 2012, стр. 209), особое значение для его формирования играет взаимодействие людей – обычных граждан, жителей разных стран – носителей национального менталитета и культурного кода. Их разнообразные непосредственные интеракции способствуют передаче культурных практик и обуславливают специфику взаимного восприятия.

¹ Выбор образов данных стран в качестве объекта нашего изучения осуществлялся следующим образом. В процессе реализации проекта были собраны данные по всем славянским странам. На этапе обработки и первичного анализа данных мы обнаружили, что образы разных стран резко контрастируют друг с другом с точки зрения их содержательного наполнения и когнитивной сложности представлений о них в сознании респондентов. В частности, были выявлены достаточно содержательные образы (которые представлены в данной статье) и совершенно «пустые», символически и эмоционально бедные образы стран, преимущественно южнославянских – Сербии, Словении, Хорватии. Поэтому для представления в рамках данной статьи были выбраны образы тех славянских стран, для анализа которых имелись сопоставимые данные, которые позволили комплексно рассмотреть особенности восприятия стран, выявить структурно-содержательные характеристики их образов и определить влияние на их формирование различных факторов – социокультурного, коммуникативного, геополитического.

Концептуально-методологической основой нашего исследования является политико-психологический подход, который позволяет изучать «человеческое измерение» политических процессов (Шестопал, 2019). Для выявления структурно-содержательных характеристик образов стран в сознании граждан, а также детерминирующие их факторов, мы опираемся на теорию политического восприятия (Herrmann, 2013; Bodenhause, Morales, 2013) и исследования образов стран в международном контексте (Castano, Bonacossa, Gries, 2016). Кроме того, для интерпретации полученных данных и объяснения специфики восприятия стран российскими гражданами в геополитическом и социокультурном контексте мы ориентируемся на разработки в области международных отношений и внешней политики (Цыганков, 2007; Богатуров, 2017), политической культуры (Сергеев, 2012; Welch, 2013), идентичности (Семенов, Лапкин, Пантин, 2010; Abdelal, Herrera, et al. 2006; Cleveland, Rojas-Méndez, Laroche, 2016) и символической политики (Малинова, 2010).

Образ страны мы определяем в рамках политико-психологического подхода как «многосоставный ментальный конструкт, являющийся результатом отражения в сознании людей страны как политико-территориального и историко-культурного объекта» (Селезнева, Смутькина, 2018, стр. 355). Такая дефиниция учитывает и политико-географическое понимание данного феномена (Замятин 2000), и трактовку образа (имиджа) государства в рамках международно-политических исследований (Киселев, Смирнова, 2004).

В рамках нашей концептуальной модели в структуре образа страны мы выделяем следующие компоненты: образ власти, образ лидера, образ народа, образ территории, геополитический образ государства (Селезнева, Смутькина, 2018, стр. 355). *Образ власти* представляет политическое измерение образа страны, является результатом восприятия гражданами власти в ее обобщенном и конкретизированном (политические акторы) выражении. *Образ лидера*, также определяющий политическое измерение образа страны, отражает характерное для нашей политической культуры свойство персонифицировать власть и выражает атрибутируемые политическому деятелю качества и мотивы поведения (Семенова 2006). *Образ народа* характеризует идентификационный аспект образа страны, является результатом восприятия социокультурных и ментально-психологических особенностей общности «народ», формирования представлений о «своей» и «других» социальных общностях. *Образ территории* определяет пространственное измерение образа страны и отражает ее природно-климатические, экономико-географические и политико-административные особенно-

сти. *Геополитический образ государства* представляет международно-политическое измерение образа страны, отражает ее ролевую идентификацию во взаимоотношениях с Россией¹ и геополитический статус в мировой политике (Селезнева, Смулькина, 2018, стр. 354).

Завершая представление концептуально-теоретической базы нашего исследования, необходимо заметить, что структурные компоненты образа страны могут носить символический характер, а сам образ страны как целостная конструкция включает представления о ресурсном потенциале стран, отражает общее эмоциональное отношение к ним и имеет темпоральные проекции во временном континууме «прошлое – настоящее – будущее». Кроме того, в соответствии с политико-психологическим подходом мы анализируем восприятие славянских стран российскими гражданами на рациональном и неосознаваемом уровнях (Шестопап, 2012).

ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, было проведено для выявления структурно-содержательных характеристик образов славянских стран в сознании российских граждан. Мы не ставили перед собой цель получить репрезентативные для страны данные, а сфокусировались на выявлении закономерностей восприятия и их интерпретации в социокультурном и политическом контекстах.

Исследование проводилось с применением полустандартизированного интервью, проективного метода незавершенных предложений, рисуночного теста «Образ страны» и проективного метода сравнительных рисуночных персонификаций «баблс»². Такой комплекс методов позволяет анализировать и рациональный, и неосознаваемый уровни восприятия российскими гражданами славянских стран.

Эмпирическую базу исследования составили 420 интервью (по 70 на каждую страну), 600 рисунков и рисуночных персонификаций, собранных в 2018-19 гг. Выборка была сбалансированной по полу, возрасту и уровню образования³. В ходе работы с полученными дан-

¹ Здесь имеется в виду, что российские граждане по-разному воспринимают взаимоотношения России с зарубежными странами и идентифицируют их роли в этих отношениях, например, как друга, врага, конкурента, партнера и пр.

² Респонденту предлагалось нарисовать на одном листе любые две славянские страны в виде двух человек, описать их характер, привычки образа жизни, подписать, что они говорят и думают.

³ Исследование выполнено в рамках политико-психологического подхода и носит преимущественно качественный характер, поэтому анализ данных по социально-демографическим характеристикам респондентов не является необходимым условием представления его результатов. Кроме того, данные по этим показателям, полученные в результате обработки, не имеют статистически значимых различий и не обладают необходимым объяснительным потенциалом.

ными использовались приемы их количественной и качественной обработки и анализа, в частности, шкалирование и кодирование ответов на открытые вопросы, а также статистический анализ данных интервью при помощи программы SPSS Statistics.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Образы восточнославянских стран (Украина, Беларусь)¹

Анализ содержательных характеристик образов Украины и Беларуси в российском массовом сознании выявил как некоторые общие тенденции восприятия, например, определенную разбалансированность на рациональном и неосознаваемом уровнях (Селезнева, Смутькина, 2018), так и заметные расхождения в представлениях о народе, власти и политических лидерах этих стран.

Особенности восприятия

Более позитивные оценки ресурсного потенциала страны звучали в сторону Беларуси, этой стране чаще приписывали привлекательность, позитивное будущее, сохранение территориальной целостности, силу и активность. С экономическими трудностями и конфликтами ассоциировали респонденты будущее Украины (42%). Только 38% россиян позитивно воспринимают будущее этой страны. Позитивный сценарий в оценках будущего был возможен, однако, лишь в случае, отказа Украины от враждебной государственной политики в отношениях с Россией.

К сильным сторонам обеих стран, по мнению респондентов, относятся история, природные ресурсы, культура. Другие характеристики стран оцениваются достаточно противоречиво. Государство в Беларуси считается сильной стороной, в Украине – слабой. В отношении экономики оценки также неоднозначны: для Украины – это определенно слабая сторона, для Беларуси – и сильная, и слабая одновременно (табл.1, табл. 2).

¹ Первичные данные по восприятию Украины и Беларуси были получены в ходе пилотной части проекта и были представлены в выступлениях на круглом столе (Шестопал, Смутькина & Саркисян и др., 2017)

	Украина	Беларусь	Чехия	Польша	Черногория	Болгария
Государство	2,0	58,0	38,7	31,6	20,0	14,3
Природные ресурсы	58,0	48,0	14,5	15,8	68,6	28,6
Экономика, финансы	4,0	42,0	40,3	26,3	8,6	0,0
Вооруженные силы	2,0	2,0	3,2	7,9	2,9	0,0
Язык	24,0	6,0	6,5	15,8	8,6	28,6
История	66,0	32,0	53,2	63,2	48,6	57,1
Культура	44,0	42,0	59,7	63,2	57,1	57,1
Наука	8,0	12,0	29,0	18,4	0,0	14,3
Спорт	22,0	14,0	27,4	7,9	5,7	14,3
Религия	10,0	14,0	1,6	36,8	5,7	0,0

Таблица 1. Представления российских граждан о сильных сторонах славянских стран (% , возможно несколько вариантов ответа)

	Украина	Беларусь	Чехия	Польша	Черногория	Болгария
Государство	74,0	20,0	3,2	26,3	40,0	42,9
Природные ресурсы	8,0	22,0	50,0	34,2	11,4	14,3
Экономика, финансы	76,0	46,0	21,0	36,8	68,6	71,4
Вооруженные силы	50,0	52,0	48,4	60,5	45,7	42,9
Язык	10,0	12,0	19,4	21,1	8,6	14,3
История	2,0	2,0	1,6	7,9	11,4	0,0
Культура	6,0	6,0	0,0	2,6	0,0	0,0
Наука	14,0	42,0	11,3	21,1	31,4	42,9
Спорт	4,0	26,0	19,4	28,9	14,3	14,3
Религия	18,0	8,0	9,7	7,9	2,9	0,0

Таблица 2. Представления российских граждан о слабых сторонах славянских стран (% , возможно несколько вариантов ответа)

На неосознаваемом уровне двойственность восприятия была свойственна Украине. Позитивные сюжеты связывались с категориями «Украина-народ», «Украина-земля» и наполнялись культурными и религиозными символами, что может быть свидетельством неосознаваемого восприятия культурного единства россиян и украинцев. Наблюдалась здесь и неосознанная тревога за судьбу страны и её народа. Визуальный образ «Украины-государства» был более непривлекательным.

Россицентричность восприятия особенно ярко проявила себя на неосознаваемом уровне, отразившись в визуальных образах. В материалах баблс «человеку-Украине» приписывали выбор ложного прозападного пути, недалёковидность. Ненавидящий Россию, он изображался внутренне тревожным и страдающим.

Образы территории. Наблюдается существенное различие в восприятии пространственно-территориального состояния Украины и Беларуси. Негативные прогнозы были свойственны оценкам Украины: 52% респондентов отмечают опасность распада Украины на части (рис. 1), 18% респондентов считают, что страна уменьшится за счет отсоединения ДНР и ЛНР. На некоторых рисунках Украина попадала в сферу интересов других стран, и не только западных сверхдержав, но и других славянских (например, Польши и Румынии). Потеря территориальной целостности связывалось и с внешнеполитическими, и с внутривнутриполитическими процессами. В случае Беларуси ситуация выглядела более устойчивой.

Рис. 1. Представления российских граждан о возможностях изменения территорий славянских стран в будущем (%)

Образы народов восточнославянских стран выглядели достаточно привлекательными. Положительные оценки национальных характеров преобладали над негативными (54% против 32,4% для украинцев и 90% против 7% для белорусов). Более выраженная негативизация образа украинского народа связывалась с охлаждением отношений Украины с Россией, 5% опрошенных назвали украинцев бывшими братьями и друзьями. Что касается белорусов, то в центре внимания были нравственные и психологические качества. *Приветливость, отзывчивость, искренность, доброта* были самыми упоминаемыми чертами их характера. Особенно позитивные оценки народа были выражены в визуализированных образах. «Человек-Беларусь» живет размеренной жизнью, радуется мелочам, он *гостеприимен, спокоен и не имеет вредных привычек*. В описаниях это *семейный, работающий человек, уделяющий время близким, светлый, чистый и простой* (см. рис.3). Здесь в наибольшей степени была актуализирована тенденция самоотождествления респондентов с белорусским народом, звучала позиция: *«белорусы - как мы», «это мы»*. В отношении украинцев подобной тенденции восприятия не было зафиксировано.

В образе украинского народа внимание было уделено в большей степени коммуникативным (32,1%) и нравственным (28%) качествам. Вербализированные оценки народа были более позитивными, самыми упоминаемыми характеристиками выступали: *трудолюбие, радушие, гостеприимство и хитрость* украинского народа. Визуализированные оценки национального характера были более амбивалентны, чем вербализированные. «Человек-Украина» непредсказуем в поведении, склонен ругаться с другими, он полон внутренних противоречий, при этом он *динамичен, беззаботен, позитивен, стремится следовать моде*. Много противоречивых по эмоциональному знаку черт характера свойственны этому человеку: *амбициозность и стремление в одобрении; своеволие, эгоизм и мягкость; приветливость и злопамятность; импульсивность и ранимость* (см. рис.2).

Образы власти и лидеров. Властные образы Украины и Беларуси различны по своей содержательной наполненности. Прежде всего, образ Беларуси более персонифицирован. Восприятие белорусского авторитаризма и президента Лукашенко определило стержневые характеристики властного образа страны. 45% респондентов негативно оценивали белорусскую власть, прежде всего упоминая авторитаризм и объясняя им медленные темпы развития страны, политический застой. Фигура Лукашенко воспринимаются неоднозначно. С одной стороны, президент ассоциируется с белорусским народом, он воспринимается патриотичным, ориентированным на национальные ин-

тересы. С другой стороны, как личность Лукашенко выглядит в оценках россиян не всегда привлекательным – нередко упоминались его хитрость и двуличие. Россияне, однако, ценят его за волю и внутреннюю силу.

Преимущественно непривлекательный профиль образа украинской власти в значительной степени определял общие пессимистические оценки будущего страны. Украинская власть не воспринималась персонифицировано, ее образ выглядел размытым и бессубъектным. Политической элите приписывались *коррупционированность, оторванность от народа, продажность*. Противоречие образов власти и народа было особенно заметно в случае этой страны. Властный образ отличался когнитивной бедностью. По основным параметрам анализа власть на Украине выглядит непривлекательной (86,5%) и слабой (52,1%).

Рис. 2. Образ Украины

Рис. 3. Образ Беларуси

Геополитический статус Украины и Беларуси в представлениях россиян имеет сходные черты. Прежде всего, это политическая несамостоятельность. Обе страны выглядят для россиян незначительными игроками на мировой арене (38% отметили очень слабое влияние Украины на мир, 8% - очень слабое влияние Беларуси). Больше половины респондентов отмечают, что не чувствуют влияния этих стран и на Россию. Влияние Украины на мир воспринимается как значительно более негативное (74%), нежели в случае Беларуси (8%). Оценка российско-украинских и российско-белорусских отношений при этом также заметно разнится. Позитивно оценивается ориентация Беларуси

на Россию. Склонность к дружеским и партнёрским отношениям приписывалась при этом не столько белорусским властям (здесь нередко проявлялась тема двуличного Лукашенко с непредсказуемой риторикой), но и белорусском у народу. Стремление помочь в трудное время санкций, поддержка России при охлаждении отношения к ней мировых держав, были ценными для многих респондентов. Больше половины респондентов называли Беларусь другом, соседом и партнером (табл. 3).

Негативно оценивалась ориентация Украины на западную (проамериканскую) политику, а носителями русофобских настроений называли не только украинские власти. Склонность к национализму и стремление обособиться, трактовалось порою и как черта национального характера. При оценках геополитического статуса Украины респонденты упоминали роли соседа и врага (табл. 3). При оценке русско-украинских отношений были актуализированы темы санкций, конфликта, вынужденной миграции. Респонденты отмечают, что дестабилизация отношений негативно сказывается на обеих странах. В визуализированных и персонифицированных образах Украины, прежде всего, обращается внимание на осознанную ориентацию Украины на запад, ее стремление выглядеть самостоятельной при наличии внутренних ментальных противоречий («человек-Украина» сомневается в принятом решении, напоминает подростка, неуверенного в себе, вступающего в конфликт и действующего «назло»). Очевидно, что Украину воспринимают как страну, стоящую на перепутье. Территориальные, исторические и ментальные особенности не позволяет ей однозначно определиться сейчас с направлением геополитического развития.

Рис. 4. Представления о влиянии славянских стран на Россию (%)

Образы государств западных славян (Чехия, Польша)

Образы государств западных славян (Чехии и Польши) в значительной степени различались. Прежде всего, здесь следует отметить расхождения по параметрам привлекательности образов, как на рациональном, так и на неосознаваемом уровнях восприятия.

Особенности восприятия

В характеристике респондентами обеих стран преобладали нейтрально-отчужденные оценки, однако Чехия выглядела намного более привлекательной страной в характеристиках и народа, и власти. Именно этой стране россияне чаще пророчили позитивное будущее (67%), экономическое процветание, стабильность как при условии ее будущего сближения с Европейским союзом (8%), так и в случае углубления отношений с Россией (4,7%). Интересно, что вероятность сближения Польши с Америкой и ЕС воспринималось респондентами более негативно (21%).

Рис. 5. Привлекательный образ

**Рис. 6. Непривлекательный образ
Польши**

В содержательном наполнении образа Польши присутствует акцент на ее европейском статусе (23,6%). В символическом пространстве образа часто встречались упоминания национальной кухни, католицизма, известных деятелей культуры польского происхождения, исторических деятелей. В рисунках преобладали пейзажные сюжеты с положительным эмоциональным знаком (*погода, природа, урожай*),

чаще встречались исторические и культурные символы (*польские гусары, архитектура*). Пожалуй, более сложным и содержательно наполненным образ страны выглядел в материалах рисуночных персонификаций (баблс). «Человек-Польша» изображен в двух различающихся по эмоциональному знаку вариантах (рис. 5 и рис. 6): как оптимистичный, легкомысленный молодой человек, ведущий необременительный образ жизни и стоящий перед массой соблазнов (1), или вооруженный, маскулинный и прагматичный, но трусливый и злопамятный мужчина (2). В последнем случае нередко ему приписывали своеобразный «комплекс неполноценности», склонность кричать о своей беспомощности, обвиняя в своих проблемах других. Практически во всех персонификациях так или иначе была затронута тема национализма. Русофобские ориентации страны воспринимаются респондентами как черта менталитета Польши-государства. Страна, по мнению россиян, приняла западные ценности, однако не стала западной в полной мере.

Рис. 7. Образ Чехии

Символическая наполненность образа Чехии во многом схожа с польской. Чехия ассоциировалась у россиян с благополучием, спокойствием, небольшой территорией и развитием. Самыми упоминаемыми были символы, связанные с кухней, архитектурой, спортом, известнейшими городами, машиностроением. Завершая предложение «*Чехия*

для меня это...», респонденты также часто, как и в случае Польши, отмечали ее европейскую принадлежность. На неосознаваемом уровне образ был заметно фрагментирован, рисунки содержали в себе набор зачастую не связанных между собою изображений. Наблюдалась поколенческая специфика восприятия. Для респондентов старшего поколения было свойственно связывать страну с образом Чехословакии, вспоминать ее историю, принадлежность к социалистическому лагерю. Для молодежи образ Чехии был зависим от личного опыта респондента, его контактов с представителями страны. Активная включенность страны в сферу туризма, сделала образ страны более когнитивно содержательным и символически богатым. Однако, в восприятии этой страны наблюдается некоторая неосознанная склонность к идеализации. В рисунках и ассоциациях страна предстает в несколько сказочном свете, формируется своеобразный образ «игрушечной страны», переполненный символикой (эдакая кладовая *мыслей великих философов с замками и мостовыми, отличным пивом и футболом* – рис. 7).

В рисуночных персонификациях Чехия предстает в виде человека, живущего в уюте и позитивно смотрящего на мир, практичного, ведущего во многом праздный, но умеренный образ жизни. Этот человек никуда не спешит, не стремится завоевывать мир или требовать большего, он доволен тем, что у него есть. *По утрам он пьет свежевыжатый сок и на типичного россиянина он, увы, не похож.*

Образы территории не являются стержневым компонентом образов западнославянских стран. Небольшая территория Чехии трактовалась некоторыми респондентами даже как некоторое преимущество. Большинство опрошенных (98,4%) отметили, что вероятно границы Чехии не изменятся в обозримом будущем. Разделы территории Польши в мировой истории упоминались респондентами, но не несли за собой рациональных оценок. Возможные территориальные потери чаще приписывали Польше (13,2%) (за счет Данцига, потери восточных территорий), связывая их с риском попадания Польши влияния разных стран (России, Украины, ЕС).

Образы народов Чехии и Польши имели схожие черты. В них, например, в значительной мере был актуализирован мотив славянского происхождения этих стран (в обоих случаях самые упоминаемые характеристики). Однако, если образ поляков был преимущественно нейтральным по эмоциональному знаку с равным числом позитивных и негативных характеристик (по 15,7%), то образ чехов имел ярко выраженную положительную модальность (72,5%). К самым упоминаемым качествам чехов относились: *добродота, доброжелательность*

и отзывчивость, спокойствие, интеллигентность и образованность, стремление ориентироваться на собственные, а не чужие традиции. По мнению респондентов, с русскими чехов сближает способность много и тяжело работать, но при этом отлично отдыхать и веселиться. Поляки оценивались не столь однозначно. Признавая деловую хватку и позитивность этого народа, нередко ему приписывали некоторую неуверенность в себе, двуличие. «Я бы с поляком в разведку не пошел» - сказал один из респондентов.

Образы власти Польши и Чехии отражают общую специфику их восприятия как западных стран. При этом более либеральной, толерантной и самостоятельной выглядела чешская власть. По мнению респондентов, ее стабильный демократический характер обеспечивается парламентской формой правления, патриотизмом и компетентностью политической элиты. Польская власть воспринимается как более агрессивная, зависимая от сверх-идей (антироссийская направленность, америкоцентризм во взглядах), но и более традиционная, религиозная.

Позитивно оценивая европейский парламентаризм респонденты, однако, обращают внимание на значимость *политических лидеров* у «круля власти». В фокусе внимания находятся, прежде всего, президентские роли. Риторика политиков в отношении России определяла привлекательность их образов. Наиболее упоминаемой (и скорее непривлекательной) политической фигурой в Польше являлся Анжей Дуда (36,8%). Среди других влиятельных лидеров в этой стране упоминались Ярослав Качиньский (23,6%), бывший президент Лех Валенса (13,1%), Дональд Туск и Матеуш Моровецкий (по 7,8%). Символом чешской власти являлся, прежде всего, президент Милош Зейман. 30,6% упоминали этого политика и характеризовали его как достаточно харизматичную фигуру. Чешская власть ассоциировалась также с фигурой премьер-министра Андрея Бабиша (11,2%).

Геополитический статус этих стран в восприятии российских граждан заметно различался. Чехия выглядела в глазах респондентов более самостоятельной, стремящейся выстроить индивидуальную стратегию, сохраняя гармоничные отношения и с Россией. Это оценивалось респондентами как верная политическая стратегия, дополнительная адаптационная способность Чехии. В глазах россиян Чехия западная страна, но не отрицающая свое славянское происхождение.

	Чехия	Украина	Беларусь	Польша	Черногория	Болгария
друг	35,5	10,0	82,0	2,6	31,4	42,9
враг	0,0	34,0	4,0	18,4	2,9	0,0
сосед	56,5	68,0	80,0	57,9	17,1	14,3
партнер	48,4	14,0	60,0	13,2	48,6	0,0
конкурент	16,1	10,0	0,0	10,5	0,0	14,3

Таблица 3. Представления граждан о ролевой идентификации славянских стран во взаимоотношениях с Россией? (% , возможно несколько вариантов ответа)

В оценках геополитического статуса Польши присутствовало больше нейтрально-негативных оценок. 18,4% респондентов называют эту страну врагом, еще 10,5% – конкурентом в экономике. При этом умеренно сильное влияние Польши на мир отметили 21,6% респондентов. Среди всех изучаемых стран Польша уступила по степени влияния только Беларуси (чье влияние на мир отметили 44% респондентов).

Образы стран южных славян (Черногория, Болгария).

Особенности восприятия

Образы Черногории и Болгарии в сознании российских граждан оказались схожими: когнитивно бедными на рациональном уровне восприятия, нейтральными по эмоциональному знаку, с ограниченным символическим набором и стереотипизированным содержательным наполнением. Для большинства опрошенных данные страны ассоциировались с морем, солнцем, горами, отдыхом и туризмом. Проективные рисуночные тесты проиллюстрировали склонность респондентов давать позитивно-нейтральные и не осознаваемые в полной мере оценки данных стран, сочетающиеся с установками на отчуждение их образов от себя. Преобладающее большинство рисунков содержало в себе изображение пейзажей и, что примечательно, природы без людей (рис. 8). Вторым по популярности сюжетом в рисунках был изображение герба Черногории, а также упоминание символов черногорской кухни и побережья.

Рис. 8. Образ Черногории

В рационализированных оценках стран южных славян наиболее благополучной выглядит Черногория, перспективы которой связываются с развитием туристического бизнеса и сельского хозяйства. О позитивном будущем этой страны говорили 31,4% респондентов (против 11,4% негативных оценок). Природные ресурсы, история и культура были отнесены к сильным сторонам этих стран, тогда как экономика, финансы, государственность и вооружённые силы чаще называли их слабостям (табл. 2).

Образы власти и лидеров. К редким позитивным оценкам власти респонденты относили стабильность, к преобладающим негативным – *ориентацию на ЕС как признак слабости, наличие коррупции, непредусмотрительность и непоследовательность в действиях.* Политическая власть Болгарии и Черногории не часто ассоциировалась с политическими персонами. Известны респондентам были лишь фигуры президентов: Мило Джукановича (14,3 %) и Румена Радаева (28,7%).

Образы территории Черногории и Болгарии не были содержательно наполненными. Территория ассоциировалась с природой, рельефом, климатом (море, горы, побережье). В случае Черногории были актуализированы темы общих границ с европейскими странами. В целом территории этих стран воспринимались неизменными.

На фоне нейтрально-негативных оценок властей и государственности Черногории и Болгарии *образы народов* этих стран были более содержательно наполненными и привлекательными. И черногорцев, и болгар называли *общительными, прямыми и открытыми, доброжелательными людьми, близкими по духу русским*. Именно в образах народов мотив братства и славянского происхождения был самым упоминаемым. Самая яркая негативная ментальная черта этих народов – лень, которая, по мнению некоторых респондентов, сближала их с русскими и объяснялась *«природной склонностью положиться на авось, но в случае чего, вспыхнуть как спичка»*.

Геополитический статус государств южных славян весьма конкретен в представлениях российских граждан, хоть и упрощен. Как правило, респонденты воспринимали «европейский вектор» развития стран нейтрально-негативно, признавая геополитические обстоятельства его существования. Респонденты не видят у этих стран потенциала, благодаря которому они смогли бы самостоятельно развиваться. Вхождение южнославянских государств в состав Европейского союза воспринимается россиянами как объективная необходимость, как реальный шанс обеспечить свое будущее. Влияние Черногории и Болгарии на мир минимально (в сравнении с другими славянскими государствами). Более 70% респондентов отметили, что не ощущают влияния этих стран в России.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Обобщение эмпирических данных позволяет выделить некоторые особенности восприятия славянских стран, осмыслить и интерпретировать их в политико-культурном контексте.

Во-первых, несмотря на специфику восприятия каждой из рассматриваемых нами стран, можно выделить некоторые групповые особенности образов восточнославянских, южнославянских и западнославянских стран по параметрам их схожести между собой и ментальной близости российским респондентам.

Образы Украины и Беларуси оказались в наибольшей степени символически наполнены, для них характерна средняя степень содержательной схожести (наибольшие расхождения выявлены в образах народа, власти и лидеров). Восточнославянские страны воспринимаются российскими гражданами как наиболее им близкие. Они много знают о народе, политике, быте и нравах Украины и Беларуси, что обусловлено тесными историко-культурными связями и многочисленными контактами наших стран на всех уровнях – от межличностного до межгосударственного.

Образы западнославянских стран в значительной мере различаются между собой – это в большей или меньшей степени проявилось во всех структурных элементах образа страны. Российские граждане воспринимают эти страны довольно отчужденно. Даже при всех позитивных характеристиках Чехия не видится россиянам как «своя славянская страна». Это самостоятельное и благополучное государство, размеренно живущее в благоприятных условиях и не сталкивающееся с теми трудностями, которые приходится преодолевать России и восточнославянским странам. Польша также воспринимается крайне неоднозначно, при разбалансированности образа на рациональном уровне восприятия, неосознаваемый уровень демонстрирует отчужденность россиян от этой страны, скрытое к ней недоверие. Респондентам сложно определить статус Польши, она скорее характеризуется как государство, находящееся в некоторой конфронтации и с Россией, и с Западом.

Образы южнославянских стран содержательно очень схожи между собой (с учетом их когнитивной и символической бедности и стереотипности), но не очень близки ментально российским гражданам. На примере образов Черногории и Болгарии наиболее ярко заметна тенденция восприятия «маленькой славянской страны», зажатой между крупными мировыми игроками и не имеющей потенциала и реальных возможностей развиваться самостоятельно. В этих условиях россияне склонны лояльно относиться к неустойчивой международной политике данных стран, объясняя ее подчиненным статусом страны и сложившимися обстоятельствами.

Во-вторых, выявились некоторые особенности восприятия российскими гражданами славянских стран, связанные с внутренней структурой образа страны, содержательным наполнением его элементов и корреляциями между ними. В частности, образ народа в наибольшей степени зависим от идентификационного фактора и выступает наиболее монолитным, устойчивым и символически наполненным конструктом, тогда как образ власти и геополитический образ являются более динамичными и противоречивыми элементами образа страны, в значительной степени определяются информационным контекстом.

В-третьих, специфика восприятия славянских стран российскими гражданами определяется рядом факторов геополитического, социокультурного, коммуникативного характера. Так, восприятие всех славянских стран россиянецентрично, осуществляется сквозь призму социокультурных особенностей образа России в сознании ее граждан и характера взаимоотношений с ней в истории и на современном этапе.

В отношении восточных славян российские граждане наиболее эмоционально чувствительны, так как приписывают им схожую со своей системой ценностей, мировоззрение, отступление от которых воспринимается как своеобразное предательство. В этом смысле отношение к западным и южным славянам эмоционально более нейтральное. Актуализация в российском восприятии культурного стереотипа «Россия – старший брат» определяет более лояльное отношение к экономически неблагополучным славянским странам и более отчужденное (хотя и часто позитивное) отношение к странам экономически развитым. В представлениях российских граждан славянские страны «скорее с ними, чем с нами». Склонность к подобной идентификации всех славянских стран как фронта – своеобразной символической границы между «своими» и «чужими» (Хлыщева, 2013) – является общей тенденцией их восприятия.

Политическая самостоятельность как элемент геополитического статуса не является определяющим критерием при оценке россиянами возможных перспектив развития славянских стран, которые, так или иначе, попадают, в сферу европейского (западного) или российского внимания. Символическое пространство образов славянских стран и их когнитивная сложность в значительной мере определяются информационной повесткой, формируемой СМИ, а также опытом личных контактов российских граждан с представителями этих стран. Актуализация фактора славянской историко-культурной общности в восприятии рассматриваемых стран происходила довольно ситуативно и крайне неравномерно, что дает основания говорить о вторичном характере его влияния по сравнению с геополитическим и коммуникативным факторами.

Основные социально-демографические характеристики респондентов (пол, образование, регион проживания) слабо влияют на восприятие славянских стран. Только возраст, а точнее поколенческая принадлежность, определенным образом сказывается на формировании образов стран, выступая при этом не самостоятельным фактором, а скорее дополнительным к ряду других – для молодого поколения в связке с коммуникативным фактором, для среднего и старшего поколений – с историческим и социокультурным факторами.

В-четвертых, особенности восприятия славянских стран могут быть осмыслены в контексте различных теоретических подходов, в первую очередь – активно развивающейся сегодня концепции мягкой силы, объясняющей формирование разными социальными, политическими и экономическими акторами привлекательного внешнего образа страны через эмоциональное воздействие и механизмы косвенного

влияния (Емельянова, 2018, стр. 9). Конечно, детальный анализ образов славянских стран через призму инструментов мягкой силы является предметом отдельного исследования. Тем не менее, представленные в статье данные позволяют обозначить ряд параметров, которые соотносятся с предложенной С. Анхольтом концепцией конкурентной идентичности, расширяющей понимание применения инструментов мягкой силы в формировании управляемого имиджа государства (Anholt, 2007). Стоит отметить, что наиболее значимыми для восприятия славянских стран российскими гражданами являются межличностные контакты, непосредственное общение и взаимодействие с представителями других стран, межкультурный диалог, общность исторического прошлого, социокультурная близость (определенная схожесть культурно-духовного и ментального склада, традиций), а также достаточно хорошо развитые туристические связи.

Осмысление результатов эмпирического исследования в контексте фронтирной теории позволяет заключить, что славянские страны действительно являются своеобразным фронтиром. Российские граждане воспринимают их как пространство взаимного политико-культурного влияния и противоборства двух миров – «нашего» и «западного». Сам по себе славянский фронтир неоднороден, что отражается в различиях между образами составляющих его стран.

Но, несмотря на значительные «зазоры» восприятия российскими гражданами славянских стран, их будущее развитие и взаимоотношения с Россией представляются гражданам в позитивном свете. Даже в образе Польши, как наиболее далекой от наших респондентов в ментальном смысле страны, наблюдается приписываемый ей россиянами некоторый общецивилизационный потенциал, который дает дополнительные социокультурные основания для возможного взаимного сближения.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

Список литературы

- Abdelal, R., Herrera, Y., Johnston, A. I., & McDermont, R. (2006). Identity as a Variable. *Perspectives on Politics*, 4(4), 695–711. Doi: 10.1017/S1537592706060440
- Anholt, S. (2007). *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York: Palgrave Macmillan.

- Bodenhausen, G.V., Morales, J.R. (2013). Social cognition and perception. In I. Weiner (Ed.), *Handbook of psychology* 2nd ed., 5, (pp. 225–246). Hoboken, NJ: Wiley.
- Castano, E., Bonacossa, A. & Gries, P. (2016). National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences. *Political Psychology*, 37(3), 351-366. Doi: 10.1111/pops.12259
- Cleveland, M., Rojas-Méndez, J.I., Laroche, M. & Papadopoulos, N. (2016). Identity, culture, dispositions and behavior: A cross-national examination of globalization and culture change. *Journal of Business Research*, 69(3), 1090-1102. Doi: 10.1016/j.jbusres.2015.08.025
- Herrmann, R. (2013). Perception and Image Theory in International Relations. In D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (Ed.) *Oxford Handbook of Political Psychology* (pp. 334–363). New York: Oxford University Press.
- Mavrodieva, I. (2014). The Concept of the Bulgarian “European Identity” Across the Bulgarian Language and Political Rhetoric in Bulgaria. *US-China Foreign Language*, 12(1), 1–16. Doi: 10.17265/1539-8080/2014.01.001
- Maxwell, A. (2018). Effacing Pan Slavism: Linguistic Classification and Historiographic Misrepresentation. *Nationalities Papers*, 46(4), 633-653. Doi: 10.1080/00905992.2017.1374360
- Welch, S. (2013). *The Theory of Political Culture*. New York: Oxford University Press. Doi: 10.1093/acprof:oso/9780199553334.001.0001
- Басалаева, И.П. (2012). Фронтир как место в пространственном анализе социальной динамики. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, (18), 208-214.
- Богатуров, А.Д. (2017). *Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание*. М.: Издательство «Аспект Пресс».
- Болдин, В.А. (2019). Сравнительный анализ моделей панславизма у западных и южных славян: австрославизм и югославизм. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология*, 11(2), 126-133.
- Ведерников, М.В. (2019). Чешско-российские отношения: модели двусторонних связей. *Современная Европа*, (7), 17-26. Doi: 10.15211/soveurope720191726
- Дронов, А.М. (2017). Междисциплинарная практика изучения границ и пограничий. *Историческая экспертиза*, (3), 128-143.
- Емельянова, Н.Н. (2018). «Мягкая сила» как концепт: критический анализ. *Международная аналитика*, (25), 7-24.
- Замятин, Д.Н. (2000). Образ страны: структура и динамика. *Общественные науки и современность*, (1), 107-112.
- Киселев, И.Ю. & Смирнова, А.Г. (2004). Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений. *Полис. Политические исследования*, (4), 116-125.
- Краснопёров, А.Ю. (2016). Славянизм в социальных сетях (на примере сообществ «ВКонтакте»). *Русин*, (46), 264-275. Doi: 10.17223/18572685/46/17

- Малинова, О.Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*, (2), 90-105.
- Пахалюк, К.А. (2018). Россия и Болгария: между "войнами памяти" и поиском общего прошлого. *Вестник МГИМО Университета*, (4), 178-203. Doi: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203
- Пузанова, Ж.В., Филиппов, В.М. & Ларина, Т.И. (2017). Белорусы, русские и украинцы – взаимное восприятие в межкультурной среде (по результатам эмпирических исследований). *Вестник славянских культур*, (43), 24-37.
- Романова, А.П. & Якушенков, С.Н. (2014). Роль сигнификации в формировании культурной памяти в условиях межкультурного диалога на фронтире. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 272-280.
- Селезнева, А.В. & Смутькина, Н.В. (2018). Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии). *Русин*, (54), 352-371. Doi: 10.17223/18572685/54/21
- Семененко, И.С., Лапкин, В.В. & Пантин, В.И. (2010). Идентичность в системе координат мирового развития. *Полис. Политические исследования*, (3), 40-59.
- Семенова, Е.С. (2006). Психологические механизмы восприятия образов «своего» и «чужого» политических лидеров (на примере образов В.В. Путина и Г. Шредера). *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, (6), 86-94.
- Сергеев, В.М. (2012). Исторические истоки русской политической культуры. *Полис. Политические исследования*, (4), 8-22.
- Суздальцев, А. (2020). Кризис Союзного государства Белоруссии и России. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(3), 56-67. Doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67
- Хлыщева, Е.В. (2013). Фронтир как граница между «Своими» и «Чужими». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 237-242.
- Цыганков, П.А. (2007). *Теория международных отношений*. М.: Гардарики.
- Шестопал, Е.Б. (2012). *Психология политического восприятия в современной России*. М.: РОССПЭН.
- Шестопал, Е.Б. (2019). Политико-психологическая парадигма и бихевиоризм. В О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин (ред.) *Современная политическая наука: Методология: Научное издание* (стр. 366-388). М.: Издательство «Аспект Пресс».
- Шестопал, Е.Б., Смутькина, Н.В., Саркисян, С.С., Верховцев, В.С., Петлевая, А.А., Джамалутдинов, Ш.З., Айбазова, М.М. & Хаметов, Э.Ш. (2017). Наши соседи: Взгляд из России. Восприятие Российскими гражданами бывших республик СССР: материалы круглого стола. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (4), 92–127.

- Шестопап, Е.Б. & Смулькина, Н.В. (2018). Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе. *Полис. Политические исследования*, (1), 26–44. Doi: 10.17976/jpps/2018.01.03
- Щербинин, А.И. & Щербина, Н.Г. (2015). Славянский мир как политический конструкт. *Русин*, (42), 37-52. Doi: 10.17223/18572685/42/4.
- Якушенков, С.Н. (2015). Фронтир как культурная парадигма. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (1), 288-298.
- Якушенкова, О.С. & Якушенков, С.Н. (2015). Трансформация образа чужого в условиях постфронтирной культурной парадигмы. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, (114), 326-337.

References

- Abdelal, R., Herrera, Y., Johnston, A. I., & McDermont, R. (2006). Identity as a Variable. *Perspectives on Politics*, 4(4), 695–711. Doi: 10.1017/S1537592706060440
- Anholt, S. (2007). *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York: Palgrave Macmillan.
- Basalaeva, I.P. (2012). Frontier as a place in the spatial analysis of social dynamics. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, (18), 208-214. (In Russian).
- Bodenhausen, G.V., Morales, J.R. (2013). Social cognition and perception. In I. Weiner (Ed.), *Handbook of psychology* 2nd ed., 5, (pp. 225–246). Hoboken, NJ: Wiley.
- Bogaturov, A.D. (2017). International relations and foreign policy of Russia: Scientific publication]. Moscow, Aspekt-Press. (In Russian).
- Boldin, V.A. (2019). A Comparative Analysis of Pan-Slavism Models among Western and Southern Slavs: Austroslavism and Yugoslavism. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, 11(2), 126-133. (In Russian)
- Castano, E., Bonacossa, A. & Gries, P. (2016). National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences. *Political Psychology*, 37(3), 351-366. Doi: 10.1111/pops.12259
- Cleveland, M., Rojas-Méndez, J.I., Laroche, M. & Papadopoulos N. (2016). Identity, culture, dispositions and behavior: A cross-national examination of globalization and culture change. *Journal of Business Research*, 69(3), 1090-1102. Doi: 10.1016/j.jbusres.2015.08.025
- Dronov, A.M. (2017). Interdisciplinary practice in studying of borders and borderlands. *The Historical Expertise*, 3, 128-143. (In Russian)
- Emelyanova, N. (2018). “Soft power” as a Concept: a Critical Analysis. *Journal of International Analytics*, (25), 7-24. (In Russian)

- Herrmann, R. (2013). Perception and Image Theory in International Relations. In D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis (Ed.) *Oxford Handbook of Political Psychology* (pp. 334-363). New York: Oxford University Press.
- Khlyshcheva, E.V. (2013). Frontier as a border between “own” and “strangers”. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 237-242. (In Russian)
- Kiselev, I.Yu. & Smirnova, A.G. (2004). The image of the state as a factor in foreign policy decisions. *Polis. Political Studies*, (4), 116-125 (In Russian).
- Krasnoperov, A.Yu. (2016). Slavism in Social Networks (A Case Study of “Vkontakte”). *Rusin*, (46), 264-275 (In Russian). Doi: 10.17223/18572685/46/17
- Malinova, O.Yu. (2010). Symbolic Politics and the Construction of Macro-political Identity in Post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*, (2), 90-105 (In Russian).
- Mavrodieva, I. (2014). The Concept of the Bulgarian “European Identity” Across the Bulgarian Language and Political Rhetoric in Bulgaria. *US-China Foreign Language*, 12(1), 1-16. Doi:10.17265/1539-8080/2014.01.001.
- Maxwell, A. (2018). Effacing Panslavism: Linguistic Classification and Historiographic Misrepresentation. *Nationalities Papers*, 46(4), 633-653. Doi: 10.1080/00905992.2017.1374360
- Pakhaluk, K.A. (2018). Russia and Bulgaria: from «Memorial Wars» to the Search for Common Past. *MGIMO Review of International Relations*, (4), 178-203. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203. (In Russian)
- Puzanova, Zh.V., Filippov, V.M. & Larina, T.I. (2017). Belarusians, Ukrainians and Russians — Mutual Perception in Intercultural Environment (Basing on Results of Empirical Research). *Bulletin of Slavic Cultures*, (43), 24-37. (In Russian)
- Romanova, A.P. & Yakushenkov, S.N. (2014). The role of significats in the formation of cultural memory in the conditions of cross-cultural dialogue on the frontier. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (2), 272-280.
- Selezneva, A.V. & Smulkina, N.V. (2018). Images of the Slavic Countries in the Consciousness of Russian Citizens (a case study of Ukraine and Belarus). *Rusin*, (54), 352-371 (In Russian). Doi: 10.17223/18572685/54/21
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V. & Pantin, V.I. (2010). Identity in the Coordinate System of World Development. *Polis. Political Studies*, (3), 40-59. (In Russian)
- Semenova, E.S. (2006). Psychological mechanisms of perception of the images of “one's own” and “alien” political leaders (on the example of the images of V.V. Putin and G. Schroeder). *Moscow University Bulletin. Series 12. Political science*, (6), 86-94. (In Russian)
- Sergeev, V.M. (2012). The Historical Origins of Russian Political Culture. *Polis. Political Studies*, (4), 8-22. (In Russian)
- Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015). Slavic world as a political construct. *Rusin*, (4), 37-52. DOI: 10.17223/18572685/42/4. (In Russian)
- Shestopal, E.B. & Smulkina, N.V. (2018). Factors of Perception of Post-Soviet Countries in Modern Society. *Polis. Political Studies*, 1, 26–44 Doi: 10.17976/jpps/2018.01.03. (In Russian)

- Shestopal, E.B. (2012). *Psychology of Political Perception in Contemporary Russia*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian)
- Shestopal, E.B. (2019). Political and psychological paradigm and behaviourism. In O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin (Ed.) *Contemporary Political Science: Methodology: Scientific Edition* (pp. 366-388). Moscow, Aspekt-Press. (In Russian)
- Shestopal, E.B., Smulkina, N.V., Sarkisyan, S.S., Verkhovtsev, V.S., Petlevanaya, A.A., Dzhamalutdinov, Sh.Z., Aibazova, M.M. & Khametov, E.Sh. (2017). Our Neighbors: A View from Russia. Perception by Russian citizens of the former republics of the USSR]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political science*, (4), 92–127. (In Russian).
- Suzdal'tsev, A. (2020). The Crisis of the Union State of Belarus and Russia. *World Economy and International Relations*, 64(3), pp. 56-67. Doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67. (In Russian)
- Tsygankov, P.A. (2007). *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki. (In Russian)
- Vedernikov, M. (2019). The Czech-Russian Relations: the Models of the Bilateral Links. *Contemporary Europe*, 7, 17-26. Doi: 10.15211/soveurope720191726. (In Russian)
- Welch, S. (2013). *The Theory of Political Culture*. New York: Oxford University Press. Doi: 10.1093/acprof:oso/9780199553334.001.0001
- Yakushenkov, S.N. (2015). Frontier as a cultural paradigm. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (1), 288-298. (In Russian)
- Yakushenkova, O.S. ? Yakushenkov, S.N. (2015). Transformation of the image of an alien in conditions of the postfrontier cultural paradigm. *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, (114), 326-337. (In Russian)
- Zamyatin, D.N. (2000). Country Image: Structure and Dynamics. *Social Sciences and Modernity*, (1), 107-112. (In Russian)